

Сун Жу, казалось, с облегчением выдохнула и поспешно кивнула:

— Иди, иди.

Лишь когда Линь Чжи вернулась в свою комнату, Сун Жу достала те самые документы. Взглянув на имя в самом верху страницы, она потемнела взглядом.

— Что это такое?

Сун Янь смотрел на бумаги, которые подала ему Сун Жу — распечатанные на обычной офисной бумаге, с ещё не выветрившимся запахом свежих чернил. Он быстро пробежал глазами текст, и брови его всё больше хмурились. Его пальцы, сжимавшие листы, понемногу стискивались сильнее, пока бумага не начала мяться, грозя разорваться.

— Что это такое? — повторил он уже строже.

Сун Жу глубоко вздохнула:

— Все эти годы я поручала людям искать следы матери Линь Чжи. Только недавно появился результат.

Она долго молчала.

— Она не пропала без вести... Она покончила с собой. Тело нашли слишком поздно — лицо было невозможно опознать. К тому же, видимо, она специально выбрала место далеко от Бэйчэна, чтобы Линь Чжи ничего не узнала. Если бы не личные вещи, её, возможно, так никогда и не опознали бы.

Психическое состояние матери Линь Чжи в тот период было крайне напряжённым. Смерть Линь Хэ словно ножницы перерезала последнюю нить, связывавшую её с жизнью.

Жить больше не хотелось — оставалось лишь умереть.

Но она не могла оставить Линь Чжи одну. Поэтому перед смертью она доверила дочь Сун Жу, а сама отправилась в глухое, далёкое место, чтобы положить конец своим страданиям.

Сун Янь чувствовал, как дрожат его руки.

Он не знал, как описать то, что творилось у него внутри.

Ему казалось, будто кто-то сдавил горло, а холод пронзил каждую клеточку тела.

Даже голос, когда он заговорил, прозвучал хрипло:

— Линь Чжи... она знает?

Сун Жу покачала головой:

— Я ещё не решалась сказать. Этот ребёнок... наверное, живёт только благодаря надежде на встречу с матерью. Если я скажу ей... что с ней тогда станет?

Сун Янь сделал шаг назад, пошатнувшись.

Лишь опершись о край стола, он сумел удержаться на ногах.

За дверью послышался голос Сяо Лянь:

— Линь Чжи, ты чего здесь стоишь?

Сун Янь задержал дыхание и поспешил открыть дверь. Нога ударилась о ножку стола, и он чуть не споткнулся.

За дверью стояла только Сяо Лянь, оцепеневшая от неожиданности.

— Где Линь Чжи? — торопливо спросил он.

Она ещё не пришла в себя, но через мгновение указала вниз:

— Она только что вышла.

Не дожидаясь окончания фразы, Сун Янь бросился вниз по лестнице.

Сяо Лянь осталась стоять на месте с шваброй в руках, растерянная.

Что сегодня со всеми? Почему все такие взволнованные?

* * *

Ночь уже опустилась. Сун Янь обыскал все окрестности, но Линь Чжи нигде не было.

Впервые в жизни он испытал настоящий страх.

Руки предательски дрожали.

Он боялся, что она совершит что-нибудь непоправимое.

Прогноз погоды оказался точным: небо затянуло тучами, изредка прогремевал гром — глухой, тяжёлый.

Сун Янь наконец остановился, тяжело дыша.

У цветочной клумбы сидела Линь Чжи, поджав колени и опустив голову.

Её хрупкие плечи сильно дрожали.

Сун Янь смотрел на неё, и ноги вдруг стали будто свинцовые.

Когда он был маленьким, он тоже плакал, грустил и тянул за рукав Сун Жу, спрашивая, придёт ли мама на его день рождения.

Надежда раз за разом рушилась, и в конце концов он привык.

Даже начал считать себя сиротой.

С годами он стал равнодушным к таким чувствам.

Ему стало всё равно.

Но сейчас...

Глядя на хрупкую спину Линь Чжи, он вдруг почувствовал, будто чья-то рука сжала его сердце и жестоко сминает его в комок.

Больно.

Линь Чжи рыдала, не в силах перевести дыхание. Всё её тело сотрясалось.

На самом деле она давно подозревала такой исход. По своему знанию матери она понимала: та никогда бы не бросила её просто так.

Единственное объяснение — она больше не выдержала, её психика была на грани.

Но Линь Чжи упорно отказывалась думать об этом.

Пока во сне её преследовали кошмары, она твердила себе: мама просто уехала далеко.

Если она станет такой, какой та хотела, мама обязательно вернётся.

Но теперь...

У неё даже этой последней иллюзии не осталось.

Реальность заставила её принять правду: мамы больше нет в живых.

Первые капли дождя упали на землю. Чья-то куртка накрыла её голову,

принеся с собой чистый, прохладный аромат и защитив от холода.

Но Линь Чжи будто ничего не заметила. Её глаза безжизненно смотрели вниз.

Прохожие, не взявшие зонт, спешили укрыться от дождя. Мимо пробегали школьники с рюкзаками за спинами, весело перекликаясь.

В этот час парк не мог быть тихим даже под дождём.

Но время для Линь Чжи будто остановилось.

Она молчала и не двигалась.

Просто смотрела в одну точку на земле.

Куртка промокла, дождь намочил ей волосы, но она оставалась безучастной.

Медленно текло время. Дождь прекратился, ночь стала ещё темнее.

Рядом потемнело — чья-то фигура заслонила последний луч света от фонаря.

Сун Янь опустился перед ней на корточки и осторожно вытер дождевые капли с её лба.

Скомканный клочок бумаги он сжал в ладони.

Его голос, как всегда низкий, теперь звучал так, будто он сдерживал в себе что-то огромное и болезненное.

— Пойдём, — тихо сказал он. — Домой. А то простудишься.

Линь Чжи моргнула. Капля дождя скатилась с мокрых ресниц,
словно росинка, повисла на реснице.

— У меня больше нет мамы.

Та, что обычно была тихой и мягкой девушкой, теперь рыдала с покрасневшими глазами.

Обиженная, отчаянная.

С этого дня она стала сиротой.

Голос её дрожал от насморка, и слова то и дело прерывались всхлипами.

Как же ей было больно.

Сун Янь поднял руку, но тут же опустил.

Лёгкий ветерок с остатками дождя смыл последние следы летней жары.

Что-то внутри него, наконец, прояснилось.

Упрямство и нежелание смириться уступили место разуму.

Он подошёл ближе и нежно обнял её.

Ладонью он мягко похлопывал её по спине и шептал:

— Я стану твоей семьёй.

Линь Чжи прижалась к его плечу, и слёзы хлынули с новой силой — будто плотина прорвалась.

Возможно, от усталости её рыдания постепенно стихли, пока наконец не превратились в тихое, почти неслышное дыхание.

Она уснула.

Спала тихо. На ресницах, освещённых уличным фонарём, блестели капли — не поймёшь, дождевые или слёзы.

Сун Янь взял её на спину и повёз домой.

По тихой улице их тени удлинялись в ночи.

* * *

На следующий день Линь Чжи слёгла с простудой.

Вероятно, из-за вчерашнего дождя.

Она отказывалась есть и пить лекарства, сидела у окна и молчала.

Сяо Лянь была бессильна и пошла искать Сун Яня.

Он почти не спал всю ночь, ухаживая за Линь Чжи, и успел поспать всего пару часов.

Сяо Лянь забыла постучать и вошла как раз в тот момент, когда он переодевался.

Широкие плечи, узкая талия, мышцы рельефно очерчены.

Щёки Сяо Лянь вспыхнули, и она поспешно отвернулась:

— Я...

Сун Янь спокойно надел рубашку, не обратив внимания на её смущение.

— Что случилось? — спросил он холодно и сдержанно.

Сяо Лянь собралась с мыслями и ответила:

— Линь Чжи не хочет ни есть, ни пить лекарства.

Выражение лица Сун Яня мгновенно изменилось. Его рука, застёгивающая пуговицы, замерла.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он ответил:

— Хорошо. Я знаю.

— Тогда я пойду, — сказала Сяо Лянь и закрыла дверь.

Она недоумевала: почему они оба сегодня такие странные? Неужели вчера что-то произошло?

Линь Чжи обычно спокойная и доброжелательная, даже в плохом настроении редко показывает эмоции.

Иногда Сяо Лянь думала, что Линь Чжи и Сун Янь похожи друг на друга.

Оба не любят, когда их жалеют.

Поэтому всегда прячут свои переживания глубоко внутри.

Но сейчас...

Небо по-прежнему было затянуто тучами.

После дождя воздух в Бэйчэне наполнился свежестью, листья будто вымыли до блеска.

Линь Чжи сидела в белом ночном платье, длинные волосы мягко лежали на плечах.

Её ресницы, чёрные, как воронье крыло, опущены.

Губы побледнели до бескровности. Босые ноги касались ковра.

Сун Янь сдержал ком в горле и принёс ей таблетки от простуды и горячую воду.

Затем опустился перед ней на корточки.

Его ноги были длинными, а расстояние от кровати до окна — небольшим, поэтому поза получилась неудобной и скованной.

Но он не обращал на это внимания.

Подавая ей лекарство, он мягко уговаривал:

— Выпей сначала таблетку.

Она опустила глаза и посмотрела на него.

Всё ещё молчала.

Лицо её было мертвенно-бледным.

— Будь умницей, хорошо? — голос Сун Яня становился всё тише.

Почти молящий.

— Ты должна жить дальше.

Ресницы Линь Чжи слегка дрогнули.

Жить дальше.

Да, она обязана жить.

С детства все вокруг видели в ней примерную девочку. Даже мама часто говорила: «Моя дочь однажды выйдет на самую большую сцену и станет знаменитой танцовщицей, известной во всём мире».

Но сейчас...

Было невыносимо больно.

Словно она одна тонула в глубоком океане, уши и глаза жгло солёной водой.

Хотела всплыть, но не за что ухватиться.

Могла лишь смотреть, как тьма медленно поглощает её.

Её голос прозвучал сухо и хрипло, будто она проглотила раскалённый песок:

— Что делать?

— Мне так больно.

— Сун Янь, я снова осталась одна.

— У меня нет ни отца, ни матери.

Сун Янь утешал её:

— Нет, не одна.

Он поднял глаза и осторожно взял её за руку.

— Я стану твоей семьёй.

— С сегодняшнего дня я буду заботиться о тебе. Я — твоя семья.

Линь Чжи всхлипнула, и слеза повисла на уголке глаза.

Сун Янь сел рядом с ней:

— Ну же, выпей лекарство.

* * *

Наконец уговорив её принять таблетку, Сун Янь сидел у её кровати, пока она не уснула, и лишь потом вышел.

Едва захлопнув дверь, он закашлялся так, что, казалось, лёгкие вырвутся наружу.

Вчерашний дождь простудил не только Линь Чжи.

Он отдал ей свою куртку и стоял на ветру, защищая её. Уже ночью у него начался жар.

Сяо Лянь беспокоилась и советовала ему сходить в больницу.

Он покачал головой:

— Ничего страшного.

И добавил, чтобы обязательно кормили Линь Чжи, как только она проснётся.

Потом вернулся в свою комнату.

Несколько дней подряд Линь Чжи пребывала в полусне.

Ничто не вызывало у неё интереса.

Чаще всего она просто сидела и смотрела в пустоту.

Звукоизоляция в доме, похоже, оставляла желать лучшего — кашель из соседней комнаты раздавался всю ночь.

Сяо Лянь рассказала, что Сун Янь тоже заболел и кашляет уже несколько дней.

Линь Чжи взглянула на баночку с лекарством рядом, помедлила и вышла из комнаты в тапочках.

Уйма увидела её и поспешила навстречу:

— Ты же больна! Почему не лежишь в постели?

Линь Чжи покачала головой и протянула ей лекарство:

— Уйма, это средство довольно эффективное.

Уйма сразу всё поняла и взяла таблетки.

Она уже знала обо всём, что произошло.

Ей было жаль обоих детей.

Такие послушные и хорошие ребята... Почему с ними такое случилось?

Вздыхнув, она сказала Линь Чжи:

— Отдыхай эти дни как следует. Не бегай без нужды, ладно?

Линь Чжи с трудом выдавила улыбку. Губы её побелели, лицо выглядело измождённым:

— Хорошо.

В ту ночь кашель из соседней комнаты стал тише.

Из-за происшествия с Линь Чжи Сун Янь взял несколько выходных, но завтра ему нужно было возвращаться в университет.

Свет в комнате резал глаза.

Он взглянул на плюшевого мишку у кровати.

Помедлил, затем положил его в ящик и запер на ключ.

* * *

Сун Жу сопровождала Линь Чжи на кладбище, чтобы забрать прах матери и похоронить его рядом с Линь Хэ.

Линь Чжи села у могилы и закопала там свой дневник.

Она не была особенно сильной. Единственное, что она могла — держаться изо всех сил, скрывая боль, и продолжать жить.

Мелкий дождик, как нити шёлка. Линь Чжи держала зонт и смотрела на имена на надгробии.

Глаза щипало.

Плакать нельзя.

<http://bllate.org/book/11342/1013449>